

А. А. ОРЛОВ

ЭКОНОМИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЭПОХУ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ (1806–1813 годы)

Эту эпоху уже давно и плодотворно изучают российские и зарубежные исследователи. В России еще в 1913 г. вышла в свет фундаментальная монография Е.В. Тарле "Континентальная блокада", посвященная экономической истории Франции при императоре Наполеоне I¹. Тарле пришел к выводу о том, что большинство отраслей промышленности Франции, нуждавшихся в привозном сырье, а также морская торговля страны сильно пострадали от континентальной блокады². Отдельная глава книги посвящена франко-российским коммерческим связям и участию России в системе блокады. Здесь политика Наполеона обернулась против него самого: "Континентальная блокада разоряла русскую торговлю. Больше того, разоряла потребителя в России французских товаров"³.

Ученые-марксисты М.И. Туган-Барановский, а вслед за ним М.Н. Покровский попытались опровергнуть тезис о вреде блокады, утверждая: она, негативно сказавшись на торговле, в то же время способствовала развитию промышленного капитализма в России⁴. Но в дальнейшем появились работы А.В. Предтеченского, М.Ф. Злотникова, А.Л. Нарочницкого, Н.Н. Болховитинова⁵ и других, доказавших правоту концепции Е.В. Тарле. Многие его выводы подтверждены западными авторами, например шведским экономистом Э. Гекшером и французским ученым Б. де Жувенелем⁶. Остается только сожалеть, что Тарле не реализовал свои планы по написанию работы, специально посвященной экономической истории Великобритании в период блокады.

Из числа зарубежных историков, занимающихся изучением континентальной блокады, следует назвать, прежде всего, профессора Лилльского университета Ф. Крузе⁷. Он

Орлов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова. Специалист по истории российско-британских отношений в XIX в.

¹ Тарле Е.В. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. – Тарле Е.В. Соч., в 12-ти т., т. III. М., 1958.

² Там же, с. 350.

³ Там же.

⁴ Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в., 1-е изд. СПб., 1898, с. 66; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, с. 29.

⁵ Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. – Известия Академии наук СССР, VII серия. Отд. общественных наук, № 8. Л., 1931, с. 893–920; Нарочницкий А.Л. Об историческом значении континентальной блокады. – Новая и новейшая история, 1965, № 6, с. 51–63; Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.-Л., 1966; Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966.

⁶ Heckscher E.F. Kontinental-Systemet, Den stora handelsspärningen för hundra oar sedan. Stockholm, 1918; Jouvenel B. de. Napoléon et l'économie dirigée. Le blocus continental. Bruxelles-Paris, 1942.

⁷ Crouzet F. L'économie britannique et le blocus continental (1806-1813), t. 1–2. Paris, 1958; *idem*. Groupes de pression et politique de blocus: Remarques sur les origines des Ordres en Conseil de novembre 1807. – Revue historique. T. CCXXVIII [228]. Juillet – Septembre 1962, p. 45–72; *idem*. Wars, Blockade and Economic Change in Europe, 1792–1815. – The Journal of Economic History, 1964, v. 34, № 4; *idem*. The Impact of the French Wars on the British Economy. – Britain and the French Revolution, 1789–1815. London, 1989.

полагает, что меры британского правительства были в большей степени направлены на борьбу с США, поскольку колониальная торговля Франции, вследствие слабости ее коммерческого флота, производилась, в основном, с помощью американских кораблей.

Один из лучших знатоков наполеоновской тематики в современной Франции профессор Сорбонны, президент Института Наполеона Ж. Тюлар считает континентальную блокаду и начало войны в Испании главными ошибками императора⁸.

Британские ученые сравнительно мало занимались и занимаются изучением экономической истории блокады. Чаще всего исследовалось ее влияние на торговлю и политические отношения в Европе⁹. Одним из немногих исключений стала книга преподавателя Ливерпульского университета Ч.Дж. Исдейла "Наполеоновские войны"¹⁰. Он считает, что экономическое влияние Великобритании, которая в XVIII в. уже прошла этап промышленной революции, стало для европейских стран стимулятором роста почти столь же сильным, как и влияние Франции. Континентальная блокада прервала это благотворное влияние. Но больше всего от блокады пострадал сам ее создатель и подвластные ему государства.

Не захватив Британские острова, нельзя победить Великобританию, хотя и можно нанести ей некоторый вред, писал американский военно-морской историк А.Т. Мэхэн. Наполеон "был вовлечен в борьбу, в которой ранил пятку Великобритании, а она разбила ему голову", – образно резюмирует автор¹¹.

Итак, оценки исследователей колеблются от признания действенности блокады, хотя бы в первый период существования, до отрицания какого-либо серьезного ее влияния на экономику Великобритании. Взглянуть на историю блокады глазами русского современника, имевшего редкую возможность наблюдать жизнь британского общества изнутри, позволяют источники, сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Здесь в фонде "Канцелярия министра иностранных дел" отложилась переписка священника российского посольства в Лондоне отца Якова Смирнова¹² с послом в Париже князем А.Б. Куракиным.

Блокада была объявлена французским императором Наполеоном I в столице разгромленной Пруссии Берлине 21 ноября (н.ст.) 1806 г.¹³ Основная идея берлинского декрета заключалась в запрещении зависимым от Франции странам не только торговать, но и вообще иметь всякие связи, вплоть до почтовых, с Великобританией и ее колониями. Все британские подданные, даже дети, по тем или иным причинам оказавшиеся на подвластных французам землях, подвергались интернированию, все британские товары – конфискации и уничтожению. Нейтральным государствам было дано понять, что отныне степень их лояльности по отношению к Франции измеряется тем усердием, с которым они будут препятствовать торговле с британцами. Теперь Наполеон делал ставку не на военную победу над Великобританией, а на ее медленное удушение в тисках экономического кризиса. Но британское правительство не собиралось сдаваться. Напротив, оно ответило на блокаду изданием 7 января (н.ст.) 1807 г. "приказа в совете"¹⁴, вос-

⁸ Tulard J. Napoléon, ou le Mythe de sauveur. Paris, 1987.

⁹ Rose J.H. Napoleon and English Commerce. – English Historical Review, 1893, № 10, p. 703–725; *idem*. The Napoleonic Empire at its Height, 1807–9. – The Cambridge Modern History. V. IX. Napoleon. Cambridge, 1907, p. 294–340; *idem*. The Continental System, 1809–14. – Ibid., p. 361–389; Anderson M.S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars. – Studies in International History. Hamden, 1967, p. 68–102.

¹⁰ Esdaile Ch.J. The Wars of Napoleon. London–New York, 1995.

¹¹ Machan A.T. The Influence of Sea-Power upon French Revolution and Empire. London, 1892–1893. Цит. по: Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. I. 1793–1802. М.–СПб., 2002, с. 486.

¹² О нем см.: Cross A.G. Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts. – Oxford Slavonic Papers, New Series, 1975, v. VIII, p. 37–52; Орлов А.А. Русский священник-дипломат в Лондоне. – Вопросы истории, 2003, № 7, с. 125–132.

¹³ Все даты в статье, кроме специально оговоренных случаев, даются по старому стилю.

¹⁴ Закон, издаваемый от имени британского короля и Тайного совета и прошедший через парламент без обсуждения.

прещавшего судам любых наций торговлю с портами, закрытыми для британских кораблей.

Берлинский декрет императора стал продолжением антибританской экономической политики правительств революционной Франции. Это средство "вполне логически совпадало с теми крайними выводами, которые он (Наполеон. — А.О.) мог сделать из своих протекционистских убеждений". Однако император пошел дальше предшественников, стремясь лишить Великобританию не только французского, но и всего европейского рынка, что казалось ему вполне осуществимым после победы над Пруссией, писал Е.В. Тарле¹⁵.

После поражения российских войск в битве при Фридланде императору Александру I пришлось пойти на примирение с Францией. В Тильзите 25 июня 1807 г. были заключены российско-французские договоры о мире и о союзе¹⁶, которые через два дня ратифицировали монархи обеих стран. Россия обязывалась действовать сообща с Францией против любой державы, находящейся в состоянии войны с последней. Это неизбежно сталкивало ее с Великобританией. Россия также брала на себя посредничество в примирении Лондона и Парижа на условиях отмены "морского кодекса"¹⁷ и возвращения Франции и ее союзникам всех отнятых у них с 1805 г. земель. Великобритания должна была принять эти предложения до 1 ноября (н.ст.) 1807 г., в противном случае Россия обязывалась ровно через месяц примкнуть к системе континентальной блокады и пригласить Данию, Швецию и Португалию сделать то же самое под угрозой совместного с Францией нападения на них.

Тильзитский союз представлял весьма значительную опасность для Великобритании. В Лондоне решили с помощью акции устрашения продемонстрировать всему миру намерение защищать свои интересы любыми способами, не останавливаясь даже перед нарушением норм международного права. Удар был нанесен по слабейшему, но важному звену в той цепи, которой тильзитские союзники хотели сковать Великобританию — по Дании. Присоединение Дании к союзу могло закрыть для британских военных и торговых судов проход из Северного в Балтийское море через проливы Зунд (Эресунн), Большой и Малый Бельты. Британские войска в начале сентября 1807 г. подвергли Копенгаген трехдневной бомбардировке¹⁸. Город был в значительной степени разрушен, многие его жители убиты или ранены. Бомбардировка Копенгагена вызвала возмущение в Европе, в том числе и в самой Великобритании. Но британцы добились своего. Они продемонстрировали готовность сражаться почти со всей континентальной Европой и обезопасили для себя проход через проливы, захватив датский военный флот — 19 судов — и запасы копенгагенского арсенала. Протесты Парижа и Петербурга по поводу бомбардировки города в Лондоне называли пропагандистской шумихой, призванной прикрыть их собственные захватнические планы. Датское правительство все же

¹⁵ Тарле Е.В. Указ. соч., с. 193—194.

¹⁶ Тексты договоров см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801—1815 гг., т. III. М., 1963, с. 637—642, 644—646.

¹⁷ "Морской кодекс" обеспечивал Великобритании лидирующие позиции в мировой торговле. Одним из его первых правил было "право визита", т.е. такой порядок, при котором во время войны капитан любого британского военного корабля мог силой задержать в море нейтральное торговое судно и увести его в британский порт, если на нем была обнаружена военная контрабанда. Так как точного определения термина "военная контрабанда" не существовало, британцам открывались широкие возможности для различных злоупотреблений. Еще одним правилом кодекса была "бумажная блокада". Британские власти могли объявить (иногда просто на бумаге) любой порт враждебной страны находящимся в состоянии блокады. В таком случае британские корабли получали право захватывать все суда, пытавшиеся приблизиться к этому порту. — Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья (1798—1807 гг.). М., 1962, с. 156—157.

¹⁸ Декларацию британского правительства от 25 сентября (н.ст.) 1807 г., оправдывающую захват Копенгагена опасностью, которая исходит от Франции, см.: АВПРИ, ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел, оп. 468, д. 6810, т. 1, л. 374—375.

подписало союзнический договор 31 октября (н.ст.) 1807 г., но, не имея флота, датчане уже не могли блокировать проливы.

Нападение на Копенгаген и отказ от мирных переговоров с Францией привели к разрыву российско-британских отношений раньше официально объявленного срока. 24 октября 1807 г. была обнародована декларация Александра I, в которой Великобритания обвинялась в постоянном эгоистическом преследовании только собственных интересов в ущерб союзникам¹⁹. Фактически это было объявление Британии главной виновницей европейского конфликта, продолжающегося с 1792 г. Россия впервые в истории двусторонних контактов вступила с Великобританией в войну.

Однако в такой войне сухопутные армии континентальных держав были не в состоянии вторгнуться на Британские острова, находившиеся под защитой мощного флота. Лондон в полной мере использовал это преимущество, нанеся очередной удар по морской торговле своих противников. В ноябре 1807 г. британское правительство ответило на враждебные действия тильзитских союзников изданием новых "приказов в совете". Нейтральным странам запрещалось торговать с врагами Великобритании под страхом конфискации корабля и груза. Исключение делалось только для кораблей, заходивших в какой-либо британский порт с платежом там всех установленных налогов и пошлин. Наполеон был, по выражению Тарле, "в высшей степени раздражен" этими мерами и готовил контрмеры. 23 ноября и 17 декабря (н.ст.) 1807 г. в Милане он подписал декреты, которые должны были стать адекватным ответом "на варварскую систему, усвоенную английским правительством"²⁰.

Франко-британское противостояние нарушило всю систему международных коммерческих связей, больно ударив по морской торговле нейтральных стран, прежде всего США. Как отмечал А.Л. Нарочницкий, тогда, по существу, имело место переплетение разных видов блокады — "самоблокады" Европы, провозглашенной Наполеоном в 1806 г., захвата торговых судов в открытом море британским флотом и формально действовавшего в США с 1808 по 1810 г. эмбарго на выход торговых судов в Европу²¹. Это негативно отразилось на экономике самой Франции и ее сателлитов. Великобритания же получила возможность практически монопольно распоряжаться на мировом рынке морских перевозок и в колониях.

Официальная политика Великобритании по отношению к России была оглашена в декларации от 18 декабря (н.ст.) 1807 г.²² Британское правительство, долго надевшееся на сохранение связей с империей Александра I, отныне занимает по отношению к ней враждебную позицию и посылает к ее берегам эскадру под командованием вице-адмирала баронета Дж. Саумареса (соратника знаменитого лорда Г. Нельсона), говорилось в этом документе. Таким образом, британский флот полностью взял под свой контроль всю акваторию Северного и Балтийского морей.

Как разрыв отношений сказался на экономике Великобритании? Священник Смирнов²³ сообщал Куракину: несмотря на все усилия врагов, в Великобритании сохраняется политическая и социальная стабильность. Население поддерживает правительство, и даже оппозиция критикует кабинет не за продолжение войны, а за недостаточно деятельное ее ведение или за неправильный выбор тех, кому доверено командование флотом и армией. Тем не менее дороговизна в стране непомерно увеличилась, и некоторые отрасли промышленности начали испытывать затруднения с поставками сырья. Все это

¹⁹ Текст декларации см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., [Собрание I], т. XXIX. СПб., 1830, с. 1306—1308.

²⁰ Тарле Е.В. Указ. соч., с. 199.

²¹ Нарочницкий А.Л. Указ. соч., с. 53.

²² Текст декларации см.: АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 6810, т. 2, л. 592—594. Пер. на русск. яз. см.: л. 615—629об.

²³ Отцу Якову Смирнову позволили остаться в Лондоне во время разрыва российско-британских отношений с разрешения властей обеих стран. Официально это было объяснено стремлением сохранить православную церковь при посольстве, имевшую в числе прихожан некоторых британских подданных.

вызывало недовольство фабричных рабочих. Но, как полагал священник, "неудовольствие и крик фабричных часто бывает не от действительной нужды, а от надежды получить от хозяев платеж более прежнего"²⁴.

Что касается роста цен, то, по мнению священника, его вызывал не дефицит каких-либо товаров или снижение покупательной способности населения, а, напротив, увеличение количества обращающихся в стране средств. Объяснялось это "бегством" капиталов с континента в Великобританию. Действительно, за время революционных и наполеоновских войн (1792–1815 гг.) многие состоятельные европейцы, спасаясь от грабежа враждующих армий, а также надеясь на устойчивость британской финансовой системы, перевели свои сбережения в банки страны, внутреннее положение которой в целом оставалось спокойным. Но все же главной причиной относительной стабильности экономики Великобритании был не приток капиталов извне. Стабильность сохранялась, в первую очередь, за счет высокой степени развития кредитно-денежных операций внутри государства. Обращение капиталов шло быстро и безостановочно, поэтому даже при постоянном росте стоимости жизни население всегда получало больше, чем отдавало. "Владельцы... земель, фабриканты, купечество и рабочий класс людей, кои составляют le gros de nation"²⁵, продают избытки своих рукоделий и товары, а другие получают платеж за работу по пропорции дороговизны, затем и не чувствуют оной", – писал отец Яков²⁶. "Пока в Англии останется промышленность, которую можно развивать, земли, которые можно распахивать, или фабрики, которые можно совершенствовать, машина эта будет действовать, ибо вместе с кругооборотом денег растет благосостояние населения, порождая новые потребности и новые формы работы", – вторил ему российский дипломат князь П.Б. Козловский 18 февраля 1813 г. в донесении государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву из Лондона²⁷. Поэтому у британских властей, как правило, не возникало проблем с размещением внутренних займов в стране. "Всегда более находится капиталистов, желающих ссудить правительству деньги, нежели оное принять может, и всегда остается много недовольных тем, что правительство предлагаемых от них денег не принимает", – отмечал отец Яков²⁸.

Налоговая система, разработанная и введенная в действие в период первого премьерства (1783–1801 гг.) У. Питта Младшего, была достаточно эффективной и относительно справедливой формой обложения, так как большинство налогов имело прогрессивный характер, следовательно, состоятельные граждане уплачивали больше денег в казну государства. Знаменитый французский дипломат князь Ш.М. Талейран после свержения Наполеона признал: в эпоху наполеоновских войн средний британский подданный платил налогов "впятеро более, нежели во Франции"²⁹. Председатель департамента государственной экономики Государственного Совета России адмирал граф Н.С. Мордвинов, хорошо знакомый с особенностями жизни британского общества, в одном из своих "Мнений", регулярно подаваемых императору, писал о том, что во время войны британцы выразили одобрение политике правительства, доверив ему свои сбережения, несмотря на громадный государственный долг страны³⁰.

Таким образом, блокада больше била не по Великобритании, а по враждебным ей державам. Британские землевладельцы, арендаторы, купцы и фабриканты, получив-

шие крупные прибыли в начальный период войны с Францией (1793–1802 гг.), смогли вынести даже значительное увеличение налогового бремени и сохранить свои капиталы. В 1812 г., например, частные имущества в Великобритании и Ирландии, приносящие доход, составляли колоссальный суммарный капитал в 2 250 640 тыс. ф.ст.³¹ Финансовое устройство страны, вследствие действенности рыночной экономики, устойчивости национальной валюты, эластичности налоговой системы, высокого уровня благосостояния значительной части населения и обширности колониальных владений позволяло в случае необходимости еще больше увеличить размеры налогов.

Без учета этих особенностей невозможно понять, почему финансовая система Великобритании не рухнула под грузом огромного государственного долга, на что так надеялись в Париже. Долг при вступлении Великобритании в борьбу с революционной Францией в 1793 г. составлял 230 млн. ф.ст., а к моменту окончания наполеоновских войн в 1815 г. достиг 864 млн. ф.ст.³² Мордвинов писал: если всю эту сумму в пересчете на серебряные рубли, считая по 6 руб. серебром в ф.ст., положить в ряд, "то составитя цепь, которая обнимет земной шар три раза"³³. Но государство своевременно расплачивалось по своим долгам. Не зря Наполеон пытался вызвать панику на финансовых рынках страны, наводнив ее фальшивыми ассигнациями, как потом в 1812 г. и Россию³⁴.

В то же время в "Замечаниях" русский священник признавал: рост цен больно бьет по интересам тех британцев, которые имеют фиксированный доход, т.е. живут на одну пенсию или жалованье. Однако там, где пасовало государство, проявляла себя благотворительность граждан и англиканской церкви: для трудоспособных устраивались общественные работы (строительство каналов, железных и других дорог, верфей, земельные работы и т. д.), которые оплачивались за счет пожертвований частных лиц. Особо следует отметить немаловажную помощь социально незащищенным слоям населения со стороны церкви. Исследователь экономической истории своей страны Дж. Роджерс писал: в начале XIX в. заработная плата британских рабочих "пользовалась в широкой мере прибавками от доходов. Максимальная сумма, истраченная на помощь бедным... относится к 1818 г., когда она равнялась приблизительно 8-ми миллионам [ф.ст.] или 13 ш[ил]. 9 п[енсам] на каждого жителя". В то же время средняя заработная плата лондонского промышленного рабочего равнялась 18 шил. в неделю, а в других частях страны рабочие получали приблизительно на треть меньше, чем в Лондоне³⁵. Когда в 1814 г. по распоряжению правительства в столице была проведена перепись нищих, оказалось что 15 288 человек (6 тыс. взрослых и 9 288 детей) получают в год до 97 тыс. ф.ст. милостыни³⁶, т.е. на каждого из них приходилось примерно 6,3 ф.ст. (126 руб. ассигнациями). Для сравнения: в России армейский писарь в первой половине XIX в. получал оклад 10–12 руб. в год с прибавкой амуниции и пайка³⁷.

Не отметил священник и каких-либо признаков паралича британской морской торговли. По его данным, полученным при изучении парламентских бумаг, общий доход от внешней торговли за 1808 г. превысил прежние показатели более чем на 1 млн. ф.ст. Тарле приводит следующие сведения, также взятые из британских официальных документов: в 1808 г. ввоз товаров в Великобританию по сравнению с 1807 г. увеличился на 2 217 708 ф.ст. Вывоз за тот же период уменьшился на 512 915 ф.ст.³⁸ Импорт рос из-за

²⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 49об.

²⁵ большинство нации (франц.)

²⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 51об.

²⁷ Козловский П.Б. Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 г. М., 1997, с. 123, прим. 42.

²⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 51.

²⁹ Речь Французского Министра иностранных дел Принца Беневентского, произнесенная им в Палате Перов Франции 27 Августа 1814 г. (Из Монитера). – Сын Отечества, 1814, ч. XVII, первое прибавление к 39 книжке журнала № LXXVIII, с. 124–125.

³⁰ Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873, с. 193–194.

³¹ Англия в конце 1814 г. Обзорение народонаселения, пособий и богатства Британского Государства. – Сын Отечества, 1815, ч. XIX, № 2, с. 81.

³² Кауфман И.И. Государственный долг Англии с 1688 по 1890 гг. СПб., 1893, с. 166–167, 209–211.

³³ Цит. по: Иконников В.С. Указ. соч., с. 194.

³⁴ Приготовление по приказанию Наполеона I английских и русских фальшивых ассигнаций и банковых билетов. – Русская старина, 1900, т. 104, № 11, с. 323–330.

³⁵ Роджерс [Дж.Э.]Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899, с. 409–410.

³⁶ Сын Отечества, 1814, ч. XVII, второе прибавление к 42 книжке журнала № LXXXV, с. 3–4.

³⁷ Тарнава-Боричевский И.П. Аракчеев и Шумский. – Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000, с. 56.

³⁸ Тарле Е.В. Указ. соч., с. 208.

того, что действовал "морской кодекс", а британские торговые караваны получали надежную охрану военных кораблей и им были не страшны нападения эскадр и отдельных кораблей (приватиров) враждебных стран. На сокращение экспорта, безусловно, повлияла континентальная блокада, хотя цифры вывоза пока еще уменьшились незначительно.

Российское правительство особенно интересовало те меры, которые будет предпринимать Лондон для продолжения войны. Отец Яков и тут не видел серьезных затруднений для Великобритании. Его убеждало в этом обилие внутренних ресурсов, наполненность казны, патриотизм граждан, готовых пойти на любые жертвы во имя защиты родины, и наличие мощного флота. По данным священника, военно-морской флот Великобритании состоял из более чем 1 тыс. кораблей разных рангов, а государственные и частные верфи были "наполнены строением военных судов, как больших, так и малых". Торговый флот страны, по его сведениям, имел более 20 тыс. судов. Что касается набора матросов, то "купеческие... суда снабжают королевские флоты служителями во всякое время безо всякой трудности". К тому же "кроме собственных своих матросов, всех наций люди, привыкшие к морской жизни, убегая из отечественных портов, стекаются сюда (в Великобританию. — А.О.) беспрестанно, аки к тихому пристанищу, будучи уверены получить и работу, и достаточный платеж"³⁹.

Страшнее было прекращение поставок кораблестроительных материалов (леса, льна, пеньки, дегтя, смолы, клея и т. д.) из России и Пруссии. В начале XIX в. одно только лондонское Адмиралтейство ежегодно получало из Петербурга 20–30 тыс. т пеньки, не считая того количества, которое поступало дополнительно из Риги⁴⁰. Но и здесь не ожидалось катастрофы. Во-первых, в самой Великобритании было много государственных и частных лесов, содержащихся в идеальном порядке. Во-вторых, прекращение торговли со странами Северной Европы, хотя и не без потерь, но довольно скоро могло быть возмещено торговлей с Канадой, Южной Америкой, Индией и Китаем. В-третьих, отсутствующие товары быстро заменялись другими, чему способствовала высокая степень развития науки и изобретательства. Британцы научились делать веревки не из пеньки, а из грубой овечьей шерсти, древесные деготь и смолу заменять аналогичными веществами, полученными из угля, вместо рыбьего клея употреблять клей, вываренный из тюленьих кож, и вместо щетины делать платяные и другие щетки из китового уса. "Без сомнения нужда с одной, а интерес с другой стороны, произведут и другие новые изобретения в замену прежних вещей, по крайней мере, на время нужды", — сообщал отец Яков Куракину⁴¹.

Он считал, что Великобритания при желании может сама себя снабжать и хлебом, поскольку здесь находится более 20 млн. акров⁴² целины, годной как для выращивания льна и конопли, так и для посева зерновых культур. Правительство и частные общества собрали до 200 тыс. ф.ст. на покупку семян для всех желающих разводить лен и выделывать из конопли пеньку. Семена раздавали бесплатно или за небольшую цену, а консультировали британцев опытные германские и польские специалисты. Хорошие урожаи дефицитных сельскохозяйственных продуктов обещали фермерам высокие доходы. За это были назначены денежные премии либо награды медалями. По оценке священника, Великобритания уже через два года (т.е. к 1811 г.) "до некоторой степени" сможет быть независимой от поставок этих продуктов извне. Блокада, таким образом, станет не только бессмысленной, но и губительной для экономики континентальных государств⁴³. Все же следует отметить, что ситуация с хлебом и пенькой не была такой од-

³⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 52об.

⁴⁰ *Полилов-Северцев Г.Т.* Наши деды-купцы. Бытовые картины XIX столетия. СПб., [1907], с.147. О сортах российской пеньки и о ценах на нее см.: АВПРИ, ф. 1, Административные дела, П-6, 1806 г., д. 9. "Об отправленной из Риги в Чатам пеньке. С 1805 г."

⁴¹ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 53об.

⁴² 1 акр равен 0,4 га.

⁴³ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 54-57об.

нозначной. Известно, что в 1811–1812 гг. британские власти очень надеялись на поставки из России больших партий этих товаров.

Крупные британские торговые фирмы, полагал Мордвинов, могли совершенно отказаться от торговли с Россией. "В виду... домашнего изобилия во всем, искусства и удобства, купцы главнейших городов Англии, торговавшие прежде с Россией, и настаивали, как известно, у своего министерства о прекращении впредь всяких с нами торговых сношений", — писал он Александру I 25 сентября 1811 г.⁴⁴

Однако британское купечество очень не хотело терять связи с балтийскими странами. "Привыкши привозить сказанные товары из Балтики и других северных портов в довольно количестве более ста лет, — писал русский священник, — здешнее купечество по старой привычке, по учиненным связям, по ласковости и по уважению, везде им оказываемому, не имело желания разорвать старые гнезда и переносить капиталы и торговлю с одного места в другое. Кроме того, торговля с государствами, прилежащими Балтийскому и Северному морю, для сей нации и по той еще причине очень желательна, что, будучи не в далеком расстоянии от дому, корабли их в течение одного лета могли сделать два, а иногда и три вояжа, отчего больше обращения капиталу, следовательно, и барыша более участвующим в оной". Он признавал, что "остановка сей отрасли торговли... будет чувствительна", так как из Америки или Азии нельзя получать товары раньше 4–12 месяцев после отплытия кораблей. Тем не менее отец Яков был убежден: это временное неудобство и после того, как торговля наладится (по его выражению, "заведши сию машину как часы"), "и с тех мест также порядочно будут получать все, что нужно, как и из балтийских портов"⁴⁵.

В "Замечаниях" Смирнова объясняется, почему, несмотря на все трудности, в Великобритании не произошла экономическая и социальная катастрофа. Однако он несколько приукрасил реальную картину, не заметив первых признаков надвигающегося упадка деловой активности. Ж. Тюлар считает: кризисные явления наблюдались в экономике Великобритании уже в первые шесть месяцев 1808 г., хотя цифры, которые он приводит (снижение доходов от экспортной торговли на 2–3 тыс. ф.ст. по сравнению с аналогичным периодом 1807 г.), вряд ли можно признать убедительным доказательством⁴⁶. Но в 1809 и 1811–1812 гг. британская экономика действительно пережила несколько серьезных кризисов, так как Тильзит закрыл для нее не только российский рынок, но окончательно и рынки центральноевропейских государств. По словам М.Ф. Злотникова, Великобритания лишилась "той своеобразной щели в континентальной системе Наполеона, какой являлась Россия, для продвижения английских товаров на европейский рынок, главным образом в Среднюю Европу"⁴⁷. После этого британский экспорт сразу сократился на 10% от общей стоимости вывозимых товаров. Кроме того, в декабре 1807 г. правительство США установило эмбарго на торговлю со всеми воюющими странами, из-за чего к 1811 г. экспорт в Северную Америку сократился с 11 до 2 млн. ф.ст. в год⁴⁸. Британские фабриканты, таким образом, потеряли обширные рынки сбыта, которые до этого поглощали значительное количество их товаров. Склады на территории Великобритании начали переполняться нереализованной продукцией.

Кризис внешней торговли привел и к промышленному кризису. Начиная с 1809 г. многие мелкие и средние фирмы, работавшие преимущественно на экспорт, обанкротились или были на грани банкротства. В Манчестере, например, закрылись 6 из 38 фабрик, и пятая часть всего городского населения графства Ланкастер осталась без работы. В Глазго недельная зарплата ткачей резко снизилась с 17 шил. 6 пенсов до 7 шил. 6 пен-

⁴⁴ Цит. по: *Иконников В.С.* Указ. соч., с. 110.

⁴⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 468, д. 9022, л. 53–54.

⁴⁶ *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о "спасителе". М., 1996, с. 175–176.

⁴⁷ *Злотников М.Ф.* Указ. соч., с. 130.

⁴⁸ *Bryant A.* The Age of Elegance. 1812–1822. London, 1950, p. 50.

сов⁴⁹. Сокращение сбыта привело к подорожанию почти всех товаров и больше всего предметов первой необходимости. Это хорошо видно на примере роста стоимости хлеба. Если в 1806–1807 гг. цена четверта⁵⁰ пшеницы колебалась между 66 и 75 шил., то к 1812 г. она повысилась до невиданной суммы в 6 ф.ст. 5 шил. 5 пенсов (44 руб. 77 коп. серебром)⁵¹. Только в течение 1808 г. цена на хлеб выросла с 69 шил. 9 пенсов до 91 шил. 9 пенсов⁵². Стоимость и других основных продуктов питания трудящихся (картофеля и овсянки) была за тот же период почти утроена⁵³. На бедственном положении промышленных рабочих в начале XIX в. сказались также инфляция бумажных денег. "В 1813 г. ... обесценение бумажных денег равнялось почти 30%, и заработная плата поэтому составляла в действительности около двух третей номинального своего размера", – писал Роджерс⁵⁴.

Что касается сельскохозяйственных рабочих (батраков), то их положение было несколько лучше, чем положение фабричных работников. Так называемый "закон Спинхемленда"⁵⁵, принятый мировыми судьями графства Беркшир в 1795 г., санкционировал введение в действие "прибавочной системы", при которой в дополнение к заработной плате беднякам выдавали денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы нуждающимся был обеспечен минимальный доход независимо от их заработков⁵⁶. Большинство батраков сами пекли для себя хлеб, варили пиво, держали свиней и птицу и имели в своем распоряжении половину или целый акр земли как вознаграждение за труд. Кроме того, за многочисленность семей они получали прибавки к заработной плате. Но все же это было весьма относительное благополучие. Роджерс приводит статистические сведения о среднем недельном заработке батрака в эпоху войн с Францией. В 1799–1803 гг. он равнялся 10 шил., в 1804–1810 гг. поднялся до 12 шил., и в 1811–1814 гг. постепенно вырос до 12 шил. 9 пенсов. Таким образом, "заработная плата сельского работника... в 1813 г. была недостаточна даже для покупки необходимых средств к жизни, не говоря уже об издержках на квартиру, отопление, одежду и пр.", – резюмирует автор⁵⁷.

По всем этим причинам в городах усиливалось движение рабочих-луддитов, уничтожавших станки, которые, по их мнению, отбирали у людей заработок, а в деревнях вспыхивали волнения батраков. Летом – осенью 1811 г. начались нападения луддитов на фабрики в графствах Ноттингемшир, Лестершир и Дербшир. Они продолжались в январе – феврале 1812 г., распространившись впоследствии на Йоркшир и Ланкашир. Волнения каждый раз жестоко подавлялись с помощью войск. "В настоящий момент только армия предохранит нас от самой страшной опасности: восстания бедных против богатых", – писал известный придворный поэт Р. Саути⁵⁸.

Несмотря на это, в Великобритании не произошло социального взрыва. Но как долго она могла в одиночку сражаться против всей Европы? Ч. Исдейл, например, полагает,

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ I квартал равен 291 л.

⁵¹ Английское и французское законодательство о хлебе в историческом развитии и по политическому его характеру. – Московские ведомости, 1841, № 57, с. 387–388.

⁵² Galpin W.F. The Grain Supply of England during The Napoleonic Period. A Thesis. – University of Michigan Publications. History and Political Sciences, v. VI. New York, 1925, p. 164.

⁵³ Bryant A. Op. cit., p. 50.

⁵⁴ Роджерс Т. Указ. соч., с. 414.

⁵⁵ Свое название закон получил по месту съезда мировых судей на постоялом дворе "Пеликан" в Спинхемленде (предместье г. Ньюбери). Впоследствии он принимался в одном графстве за другим, пока эта система не установилась почти в половине графств сельской Англии.

⁵⁶ См.: Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959, с. 477–478; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002, с. 92–100.

⁵⁷ Роджерс Т. Указ. соч., с. 422–423.

⁵⁸ Цит. по: Кертман Л. Е. География, история и культура Англии, 2-е изд. М., 1979, с. 175.

что Франции никогда бы не удалось сокрушить экономическую мощь его страны: "Если взять войну в целом, то просто нет никаких сомнений в том, что в ее ходе британская экономика пышно расцвела"⁵⁹. Однако статистические данные, которые привел в своей книге Роджерс, позволяют уточнить: преодоление последовательно сменявшихся друг друга нескольких кризисов британской экономики совершалось всегда за счет уменьшения благосостояния и ухудшения условий жизни и труда рабочих классов населения. Он признавал, что в характере английского рабочего нет склонности к революции⁶⁰, но ведь существует предел человеческого терпения.

Лондонские политики осознавали опасность социального взрыва, предпринимая многочисленные попытки найти выход из создавшегося положения. И они его нашли. После Тильзита деятельность британского правительства была направлена на то, чтобы постепенно там, где это было возможно, пробивать бреши в системе континентальной блокады. В 1808 г., после начала войны на Пиренейском полуострове, спровоцированной самим Наполеоном, блокада была фактически уничтожена в Португалии и значительно ослаблена в Испании. Конечно, не всегда эта политика оказывалась удачной. Случались в ней и тяжелые провалы, предотвратить которые британцы были не в силах. Государственный переворот в Швеции в марте 1809 г. устранил от власти короля Густава IV Адольфа, и власть в стране попала в руки дворянской верхушки, заставившей нового короля Карла XIII обратиться за помощью к Франции. Однако это не нанесло катастрофического удара британской торговле в Северном и Балтийском морях. Ее центр из шведских портов Ландскрона и Готенбург (Гётеборг) переместился на бывший датский о. Гельголанд, лежащий напротив устьев Эльбы и Везера. (Британцы захватили его еще в 1807 г., перед нападением на Копенгаген.) В 1809 г. Великобритания заключила мирный договор с Османской империей, что вместе с изгнанием французов с греческих Ионических островов позволило британским купцам, используя турецких посредников, сбывать свои товары в Юго-Восточной и Центральной Европе. Из системы блокады оказались выбиты краугольные камни (Пиренейский полуостров и Балканы), и она во многом потеряла свой смысл.

Россия начала постепенно отказываться от блокады с осени 1810 г., когда Александру I стало ясно: союз с Францией не может заменить союз с Великобританией ни в политическом, ни в экономическом отношении. Стремление Наполеона вернуть Россию в число своих союзников было главной причиной войны 1812 г. Как известно, он не достиг предполагаемых целей, напротив, этот год стал годом крушения системы континентальной блокады. Окончательно же она была уничтожена соединенными усилиями стран – участниц антинаполеоновского блока в 1813 г.

Таким образом, можно сделать вывод: государство с развитыми товарно-денежными отношениями способно в течение определенного времени существовать даже в условиях внешней изоляции. Британская экономика в эпоху континентальной блокады смогла преодолеть последствия нескольких тяжелых кризисов, хотя и понесла при этом достаточно серьезные потери.

⁵⁹ Исдейл Ч. Дж. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону – М., 1997, с. 243.

⁶⁰ Роджерс Т. Указ. соч., с. 418–419, XIV–XV, 406.